

К 70-летию со дня рождения М. Д. МИХАЙЛОВА

ЗЕМЛЯКИ

Народному артисту Советского Союза Максиму Дормидонтовичу Михайлову вчера исполнилось семьдесят лет. Уже более тридцати из них звучит его могучий бас со сцены Большого театра Союза ССР, радио доносит голос прославленного артиста в самые далекие уголки нашей Родины.

Советская власть помогла самородку из чувашского села Кольцовка не погибнуть в нужде, сохранить свой природный дар, получить всенародное признание.

Бывшая певица Большого театра — Анна Сергеевна Кузнецова написала книгу о своем товарище по профессии Максиме Дормидонтовиче Михайлове. Второе издание этой книги, переработанное и дополненное, скоро выйдет в издательстве «Московский рабочий».

Мы публикуем с небольшими сокращениями одну из новых глав повести Анны Кузнецовой «Максим из Кольцовки».

УЖЕ МИНУТ сорок самолет находится в полете, а внизу, под ним, необъятные поля, и, когда самолет набирает высоту, за белым снегом облаков все еще как будто виднеется море пшеницы, переливающейся волнами тяжелых колосьев. Максим Дормидонтович не может оторваться от окошечка самолета, и ему невольно вспоминается, как впервые он услышал Героическую симфонию Чайковского. Сила, мощь и величие — все было в этой симфонии! И вот теперь то, что он видит, — тоже величайшая симфония, от грандиозности которой захватывает дух!

Самолет качнуло. Максим Дормидонтович оторвался от дум, достал свой портфель. Захотелось еще раз проверить записки о поручениях своих новых друзей, которые он по приезде в Москву должен выполнить.

«Подобрать для клуба одноактную оперу; выслать трактористу Соколову сборник песен для са...»

Школьникам он обещал прислать литературу для заочного обучения музыкальной грамоте... Заказов так много, что, пожалуй, и не скоро

управиться с ними! Но Максиму Дормидонтовичу радостно: «Какая тяга в народе к музыке, к знаниям!» И опять, как легкая тень, которая не закроем солнце, а разве только на минуту притенит его, вспоминается, как дед Михайла мечтал для него о месте псаломщика.

— Граждане пассажиры! Прошу внимания, — слышится взволнованный голос стюардессы. — В космосе советский человек. — И на высоких нотах продолжает: — Это летчик Андриян Григорьевич Николаев!

Все пассажиры вдруг разом заговорили, стали поздравлять друг друга. А радио уже передавало биографию Николаева. Максим Дормидонтович присел на свое место, прильнул к окошечку. Из глаз градом катились слезы, а в ушах все еще слышался громкий голос диктора, будто все еще он повторял: «Андриян Николаев, уроженец деревни Шоршелы Чувашской автономной республики...»

Земляки! Дважды земляки — оба из Чувашии, и оба москвичи!

Перед мысленным взором встает извилистая лента дороги из

Кольцовки в Шоршелы. ...День клонится к вечеру. По дороге, взметая лаптями пыль, идут неторопливые старики с пилами, топорами, а впереди, сверкая голыми пятнами, бегут они со Спирькой... Шоршелы. Короткие летние ночные разговоры с Леонтием...

— А как вы считаете. Максим Дормидонтович, чтобы совершить подобный полет, тоже нужен талант? — спрашивает Михайлова сосед.

— Все нужно: и талант, и ум, и смелость, а главное — любовь к Родине.

Михайлову не хочется разговаривать, он думает о Николаеве, который сейчас где-то высоко над ними совершает свой удивительный рейс: «Вот если бы крикнуть и он мог бы услышать слова, переполняющие сердце!»

Но крикнуть нельзя, надо написать. Сейчас же написать! Но, как на зло, кажется, время замедляет свой бег.

Стемнело, когда самолет пошел на посадку. Вот он уже бежит по бетонной дорожке. «До чего же медленно выходят пассажиры... Как можно в эти минуты говорить о каких-то чемоданах, автобусах. Вот еще ему желают творческих успехов». Михайлов машинально отвечает, благодарит, а сам думает: «Скорее бы передать Андрияну, как он горд за него, совершившего такой величайший подвиг во имя своей Отчизны!»

Без удивления и без вопросов телеграфистка приняла от Максима Дормидонтовича телеграмму с необычным адресом:

«Космос, Андрияну Григорьевичу Николаеву. Горячо приветствую вас, моего славного героического и близкого земляка (в вашу деревню

Шоршелы из своей деревни Кольцовки я когда-то босиком бегал), желаю полного успеха и благополучного возвращения. Буду с радостью петь для вас... Максим Михайлов — народный артист СССР, 13 августа».

В МАЛЕНЬКОМ зале дома, где отдыхают после полета и волнующих встреч звездные братья, собрались летчики. Все читали в «Известиях» телеграмму Михайлова своему земляку и, глядя на всегда спокойное воленое лицо Николаева, замечают, что он взволнован.

Максим Дормидонтович решил начать вечер песней «Славься, советская наша земля», но когда вышел к роялю и увидел сидящих поблизости Николаева и Поповича, на мгновение ему показалось, что он не в состоянии петь, слезы подкатывали к горлу. Но вот Попович улыбнулся ему навстречу радостной улыбкой, освещающей все его лицо, и Максим Дормидонтович, подхватив эту радость, запел. Птицей взметнулся голос:

«...сияет над миром наш
герб величавый,
победно горит золотая
звезда...»
Славься, великая, славься,
могучая,
славься, советская наша
страна!»

В едином порыве все поднимаются со своих мест. Михайлов подходит к космонавтам, обнимает Николаева, потом Поповича, потом опять Николаева, и плачет, и улыбается, не замечая своих слез. А потом опять идет к роялю и поет «Здравцу», поет уже совсем не по намеченной программе и арию Сусанина, и арию Кончака, и русские песни. И вот слушатели объединяются с певцом, он запекает, а они подхватывают знакомую всем русскую «Дубинушку». Михайлов, увлеченный пением, все же отчетливо слышит звонкий, знакомый голос Павла Романовича Поповича. Михайлову передают цветы, а он, в свою очередь, дарит слушателям уже по-осеннему

яркие букеты. Зал аплодирует артисту, он — всем присутствующим...

ПОСЛЕ окончания импровизированного концерта в уютной комнате возникает беседа. Им есть что рассказать друг другу.

— Вы даже не представляете себе, Максим Дормидонтович, как я был взволнован, когда в космосе получил вашу телеграмму! — не выпуская руку Михайлова, говорит Николаев. — Вот как бывает: жил я в Москве, ходил на ваши спектакли и не знал, что в одной стороне и ваше и мое детство прошло...

— Сторона-то наша раньше не-ласковая была, ох, какая неласковая! — глядя на Андрияна, в раздумье говорит Максим Дормидонтович. — Ни земли, ни учения, ни почтения мужику не было. Сказать бы раньше, что из Шоршел полетит сокол осваивать Вселенную... Кто бы поверил этому?

Но сегодня Михайлову не грустно от этих воспоминаний. Он меняет разговор, признается, что страстно любит природу, и спрашивает:

— Ну, и как это все — природа и прочее — выглядит оттуда, из космоса?

Николаев и Попович рассказывают, Михайлов слушает и размышляет: «Сколько же в них обоих поэзии! Как отчетливо рисуются перед ними кобальтовые тона небесных вечерних красок, потом лучезарные снопы солнечного рассвета... Под их рассказы картины можно писать, музыку!»

И вдруг он неожиданно спрашивает:

— Скажите, а страшно было в космосе?

— Нисколько, — серьезно отвечают разом Николаев и Попович, — ведь мы там не одни были, с нами были все вы! А вот волновались мы очень, по-хорошему волновались, когда говорил с нами Никита Сергеевич Хрущев. В его словах и в его голосе было столько ласки, столько заботы, что в ответ хотелось сделать что-нибудь еще большее, чтобы оправдать доверие.

— Вчера слушал по радио два романа Шуберта в вашем исполнении, — это говорит Попович. — Когда я слушаю Шуберта... его музыку, она, мне кажется, вся состоит не из выдуманных звуков, а из звуков, рожденных природой... журчания ручья... песни ветра... А скажите, Максим Дормидонтович, какая ваша любимая роль? — обрывает он свою мысль.

— Моя... — Михайлов задумывается, — каждая по-своему любимая, ну, а если сказать, положив руку на сердце, то Сусанин! Русский героизм — это основная идея оперы, и она настолько величественна, что заставляет совершенно раствориться в ней... Ну и засиделся я! — ахнул Михайлов, глядя на часы. — Вам ведь отдыхать надо!

Максим Дормидонтович стал прощаться и опять обнял вначале одного, потом другого, потом обоих сразу...

Было решено вместе поехать в Шоршелы.

Анна КУЗНЕЦОВА.